

Н. А. Тарасова

УСЛОВНЫЕ ЗНАКИ ДОСТОЕВСКОГО

(На материале Записных тетрадей
1875–1876 и 1876–1877 гг.)

Записные тетради 1875–1876 и 1876–1877 гг. содержат четыре типа записей: заметки бытового характера (о долгах, покупках); записи документального содержания (расчеты с подписчиками на «Дневник писателя»); публицистические заметки; записи, отражающие художественные замыслы. В записях последних двух разновидностей сосредоточены материалы к «Дневнику писателя» 1876–1877 гг.

Характерной чертой этой стадии творческого процесса (наброски в записных тетрадях) становится сочетание фактического материала, взятого из газетных сообщений, с публицистическими размышлениями Достоевского — о Европе и России, интеллигенции и народе, «шатости» русского общества, земстве, либерализме, адвокатуре, католичестве, русской литературе, идеале, детях, войне, европейской политике. Подбор тем, разумеется, не был случайным. Как подчеркнул П. Е. Фокин, «не сами факты составляли содержание „Дневника писателя“, а их отбор, сопоставление, комментирование»¹. Добавим, что в газетной хронике Достоевский замечал не только факты, созвучные его мировосприятию и позволявшие обозначить взгляд на проблему, но также то, что способствовало зарождению художественного образа и оформлению идеи в художественной форме (возникновению «образа идеи», в терминологии М. М. Бахтина). Причина «художественности» публицистики Достоевского, по мнению А. Н. Синяковой, заключается в том, что самое «миросозерцание автора в „Дневнике писателя“ является „поэтической“ основой, на которую наносится пестрая картина российской жизни 1870-х гг.»². По утверждению Л. С. Дмитриевой,

¹ Фокин П. Е. Структура и образ автора в «Дневнике писателя» 1876–1877 гг. Ф. М. Достоевского: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. СПб., 1995. С. 19.

² Синякова Л. Н. «Дневник писателя» Ф. М. Достоевского за 1876 год как идейно-художественное единство: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Томск, 1988. С. 13; ср.: «...единство

«установка на эстетическое восприятие постоянно участвует в самом творческом процессе, и писатель настойчиво подчеркивает необходимость учитывать момент правды впечатления при передаче правды реальной <...>»³.

Собрав значительное количество материала, писатель объединял записи в соответствии с конкретными темами. Нередко Достоевский использовал для этого различные условные обозначения. Как заметила Л. М. Розенблюм, «указывая на связь различных записей, Достоевский часто ставил около них какие-нибудь одинаковые знаки (крестики, кружочки, цифры). Цифрами и стрелками он любил обозначать и последовательность текстов. Эти элементы графики, так же как характер почерка, цвет чернил и т. д., помогают и исследователю читать тетради Достоевского в порядке их заполнения»⁴. По мнению Л. М. Розенблюм, условные знаки Достоевского относятся к «внешним особенностям текста», а главное, «что позволяло самому писателю легко ориентироваться в массе черновых набросков и что вслед за ним должно помочь исследователю, — это развитие идеи и системы образов, запечатленное в рукописных материалах»⁵. Данное утверждение следует уточнить: условные знаки нужны были писателю именно для того, чтобы тематически связать конкретные записи и определить дальнейшее направление в развитии избранной темы. Это подтверждается и тем обстоятельством, что условные обозначения возникают на этапе отбора конкретного материала из общего числа записей для последующей разработки отобранного материала. По замечанию Б. С. Мейлаха, рукописи Достоевского «могут показаться беспорядочным, хаотическим нагромождением разнохарактерных записей <...>. Однако, руководствуясь самоанализом, самоконтролем, который Достоевский производил в ходе своей работы (и который отразился в его замечаниях, фиксированных здесь же, в самой рукописи произведения), а также исходя из собственных комментариев писателя о целенаправленности его замыслов и, наконец, сопоставляя процесс работы с результатом — окончательным текстом, можно и в этом случае реконструировать опять-таки концепционность и закономерность творческого процесса»⁶. Анализируя условные знаки Достоевского, необходимо также учитывать психологический аспект творчества и стадию творческого процесса. По справедливому утверждению

художественного и публицистического исходит из самой природы творческого сознания Достоевского, из установки автора в «Дневнике писателя» (Захарова Т. В. К вопросу о жанровой природе «Дневника писателя» Ф. М. Достоевского // Жанровое новаторство русской литературы конца XVIII—XIX вв. Л., 1974. С. 165). См. также: Захаров В. Н. Система жанров Достоевского: Типология и поэтика. Л., 1985. С. 201, 204; Фокин П. Е. Соотношение факта и образа в характеристике жанра (на материале «Дневника писателя» 1876—1877 гг. Ф. М. Достоевского) // Сюжет и фабула в структуре жанра. Калининград, 1990. С. 57—58, 62.

³ Дмитриева Л. С. О жанровом своеобразии «Дневника писателя» Ф. М. Достоевского (к проблеме типологии журнала) // Вестн. МГУ. Сер. «Журналистика». 1969. № 6. С. 31.

⁴ Розенблюм Л. М. Творческие дневники Достоевского. М., 1981. С. 7.

⁵ Там же.

⁶ Мейлах Б. С. О методологии исследования «творческой лаборатории» классиков // Русская литература. 1972. № 3. С. 54.

К. А. Баршта, на начальном этапе творческой работы писателя «у художественной идеи еще нет адекватных „языковых одежд“, нет выражающего эту идею поэтического слова»⁷, поэтому особое значение приобретает графика: «Графика обладает важным свойством — краткостью времени создания без ущерба полноте выражаемой идеи, что очень существенно для художественного творчества, когда различные идеи, ассоциации, факты с большой скоростью сменяют друг друга в сознании работающего писателя»⁸. В психологии творчества зарождение замысла нередко рассматривается как возникновение неразложимого, цельного, единого поэтического образа.⁹ По мнению С. Т. Ваймана, Достоевский «необычайно чувствителен к различным нюансам и потаенным аспектам целого как исходной творческой „отметки“»¹⁰. Вероятно, именно поэтому на первой стадии творческого процесса для выражения единого цельного поэтического образа Достоевский использует графику, которая «выполняет роль самого первого, символического обозначения искомого образа»¹¹.

Надо сказать, что в публикациях рукописного текста условные знаки Достоевского почти не воспроизводятся. Единственную попытку их графического воспроизведения предпринял А. С. Долинин в издании рукописных материалов к роману «Братья Карамазовы»¹². Некоторые исследователи отмечали наличие условных обозначений в записных тетрадах Достоевского, но при этом ограничивались лишь констатацией данного факта — подробное изучение знаков Достоевского не проводилось. Между тем анализ условных обозначений представляет несомненный интерес и раскрывает неизвестные характеристики творческого процесса Достоевского.

Все условные знаки в записных тетрадах делятся на две группы:

а. Обычные корректурные обозначения, которые Достоевский использовал с тем, чтобы вычеркнуть запись или указать место вставки маргиналий (записей, находящихся на полях) в основной текст: |-, X, XX, X₁, XX₁, XX₂, XXX₁, XXX₂, V, W, |_, ≡, = и др.

б. Знаки-символы, которыми Достоевский объединял тематически близкие записи.

Обозначения первой группы использовались локально, чаще всего в пределах одной страницы, ибо каждый корректурный знак должен был

⁷ Баршта К. Графическое слово Достоевского // Достоевский в конце XX века. М., 1996. С. 396.

⁸ Там же. С. 401.

⁹ Ср.: «...в начале творческого процесса находится что-то неделимое, что-то органическое, возникшее по аналогии с незаметной кристаллизацией» (Арнаутов М. Психология литературного творчества. М., 1970. С. 458); «первичный художественный стимул — картина, образ и т. д., — как правило является мгновенно, и это не фрагмент, не деталь, а все произведение, словно отзвук будущего, — произведение накануне текста» (Вайман С. Т. Диалектика творческого процесса // Художественное творчество и психология. М., 1991. С. 5).

¹⁰ Вайман С. Т. Указ. соч. С. 6.

¹¹ Баршта К. Графическое слово Достоевского. С. 392.

¹² См.: Ф. М. Достоевский. Материалы и исследования / Под ред. А. С. Долинина. Л., 1935.

связать определенную маргиналию с конкретным местом основного текста. Знаки-символы, рассыпанные по всему пространству записных тетрадей, определяли направление творческого процесса.

В записной тетради 1875–1876 гг. применение условных обозначений второго типа особенно многообразно. Для обозначения темы «войны и мира» Достоевский использует знак креста, дважды обведенного в круг. Особую важность представляет то, что записи, отмеченные одним и тем же знаком, не просто тематически близки — каждая из них заключает разные аспекты интересующей писателя темы. Это означает, что знаки Достоевского позволяют увидеть тему в ее развитии. К примеру, указанный условный знак находится слева от записей: «Предразсудокъ о мирѣ. Мечи на плуги. Никогда не будетъ. Безъ крови и войны загниеть человечество. Развратъ. Трусость»¹³ и «(NB. Трудно сказать какъ бы это Христомъ разрѣшилось, обоюдная скорбь другъ за друга смягчила бы и капиталъ, и возвысила бы пролетаріатъ.)»¹⁴. Возле второй записи, входящей в состав конспекта предполагаемой «статьи» (этим словом Достоевский называл разделы «Дневника писателя») о цивилизации, имеется также помета «Война». За объединением указанных набросков под одним знаком уже намечается идея, наиболее отчетливо прозвучавшая в окончательном тексте «Дневника писателя» 1876 г., где Достоевский выдвигает следующие «парадоксы»: человеколюбие развивается на поле битвы (апрель), война уничтожает неравенство (апрель), война объединила русское общество «в живом чувстве» сострадания к единоверцам (июль–август), война показала «лучших людей», поднявшихся на защиту угнетенных не из соображений выгоды и даже не «во имя свободы», а «просто потому, что человек несчастен» (сентябрь, октябрь).

Знаком #₁ помечены записи на тему народа:

«— Съ уничтоженіемъ крѣпостного права кончилась (не закончилась) реформа Петра и Петербургскій періодъ. /Ну и/¹⁵ *sauve qui peut*.

— На минуту наступить американизмъ.

— Народъ идетъ. Вотъ идеалы котораго осмѣяль Потугинъ»¹⁶.

«— Въ русскомъ челоуѣкѣ (большею частію) изъ простонародія нужно отвлекать красоту отъ наноснаго варварства, кто истинный другъ челоуѣчества, у кого хоть разъ билось сердце по страданіямъ народа, тотъ пойметъ и извинитъ всю непроходимую насѣвшую грязь и возьметъ брилліанты»¹⁷.

¹³ РГАЛИ, ф. 212. 1. 15, л. 13. Автор благодарит сотрудников РГАЛИ и отделов рукописей РГБ, ИРЛИ за предоставленные рукописные материалы. Работа с рукописями РГАЛИ и РГБ велась по электронным копиям, материалы отдела рукописей ИРЛИ изучены по оригиналу рукописного текста.

¹⁴ РГАЛИ, ф. 212. 1. 15, л. 16.

¹⁵ /.../ — знак вписанного Достоевским текста.

¹⁶ РГАЛИ, ф. 212. 1. 15, л. 17. В данном случае указанный знак представлен в варианте #₁, и принадлежит второму слою записи, так как он расположен поверх двух обозначений (креста и креста в круге); последние значки Достоевский использовал на этапе отбора материала, отмечая записи, на которые следует обратить внимание.

¹⁷ РГАЛИ, ф. 212. 1. 15, л. 22.

«— Мнѣніе и убѣжденіе „Дневника Писателя“: Намъ всего ожидать отъ народа: онъ только дастъ намъ лучшихъ людей...»¹⁸.

«— Это /Мы всѣ/ люди скорой но непрочной ненависти (въ [противуположность]¹⁹ /pendant/ [быстрой] /вѣчной/ великорусской добротѣ; Пушкинь.)...»²⁰.

«— Отвѣтъ Биржевымъ. Балъ, лучше Шекспира. Отъ чего не бросить *благодарный* упрекъ людямъ? Это не превознесеніе людей передъ народомъ. Это только слово объ ихъ испорченности и что, въ сущности, они прекрасны. А народъ и публика одинъ и тотъ-же. Только народъ, пожалуй, перейдетъ еще этотъ фазисъ разврата и лжи. Онъ и самъ развратенъ и лживъ но не такъ еще, а теперь будетъ *такъ*, съ цивилизаціей...»²¹.

«Цивилизація испортитъ народъ: Это ходъ дѣла, въ которомъ рядомъ съ свѣтлою и спасительною идеей вторгается столько ложнаго и фальшиваго и столько скверныхъ привычекъ, что развѣ въ поколѣніяхъ впереди возрастутъ свѣтлыя сѣмена, а ложь и мракъ будутъ на первомъ планѣ...»²².

«Всѣ ищемъ общаго блага, деремся, но всѣ мы люди хорошіе. (Славяноф<илы> и Западник<и>, кончился Петров<скій> періодъ съ уничтоженіемъ крестьянъ и кажется бы примириться, такъ нѣтъ-же, война продолжается. Вздоръ. Потугинъ — О Потугинѣ и его бредняхъ. О Тургеневѣ. — Я перечель. <...>

— [Нѣтъ ничего] /Есть/ у насъ повсемѣстное честное и свѣтлое ожиданіе и желаніе добра, *общаго* дѣла, ничего обособленнаго, кастоваго. /Если же и встрѣчается то непремѣнное и всѣми презираемое/. <...>

— Для народа наступила эпоха подвергнуться такому же точно разврату мысли, какъ и у насъ, въ Петровск<ій> періодъ (я не то что гадаю, я вѣрю, а потому это для меня важно)...»²³.

Записи, выделенные Достоевским, нашли отражение в январском и февральском номерах «Дневника писателя» 1876 г.; некоторые из приведенных заметок воспроизводятся в печатном тексте почти дословно (см. §§ «Елка в клубе художников...», «Российское общество покровительства животным...», «О том, что все мы хорошие люди», «О любви к народу...»). Данные черновые наброски иллюстрируют взаимообусловленность центральных идей «Дневника писателя»: упоминание имени Потугина в контексте записей о народе актуализирует тему «русских европейцев» — европеизм связывается с образом европейской цивилизации, построенной на ложных идеалах, — тема идеала, в свою очередь, неотделима от размышлений писателя о христианской сущности русского народа.

Под знаком #₂ сосредоточены записи об адвокатуре. Выделение и совмещение этих записей согласно знаку образует совершенно новый кон-

¹⁸ Там же. Л. 30.

¹⁹ [...] — знак вычеркнутого Достоевским текста.

²⁰ РГАЛИ, ф. 212. 1. 15, л. 47.

²¹ Там же. Л. 94–95.

²² Там же. Л. 95.

²³ Там же. Л. 97.

текст, позволяющий понять, какое место занимает тема адвокатуры в общей идейно-художественной системе «Дневника писателя» 1876 г.

«— Въдь сочувствуя обидчику вы такимъ образомъ не сочувствуете обиженному, неужто вы этой простой вещи не понимаете;

— Гнило-гуманное время

— [Сей] Идеаль либерализма и адвокатуры»²⁴.

«— *Поэтъ*: И межъ дѣтей ничтожныхъ міра и т. д.

Я боюсь только чтобъ г. Спасовичъ не принялъ это на себя»²⁵.

«— Спасовичъ. *Se n'est pas l'homme, c'est une lyte*, это выкли<к>нуто было съ глубокимъ притворствомъ, т. е. какъ бы въ видѣ самой высшей хвалы, а между тѣмъ что смѣшнѣе какъ походить на лиру.

— Въ народѣ адвок<атъ> нанятая совѣсть, т. е. подкупленная не одними деньгами, либерализмомъ, славой, поэзіей (лирствомъ), какъ же я безъ капиталу, и вотъ лира загремѣла, за не талантъ... <...>

— Святыня семьи, Спасовичъ, но по этой аргументаціи лучше и не вчинать дѣла; [святыня] потому что /если/ надо всегда оправдывать отцовъ. Отцовъ противъ дѣтей — другое дѣло. (Бутлеровъ)»²⁶.

«— Я тебя родиль — Отвѣтъ Франца Мора. — Разсужденіе этого развратнаго челоуѣка я считаю правильнымъ.... <...>

— Какое бы великое призваніе: защищать невиннаго <...> оно хорошо — лишь тогда когда адвокатъ убѣжденъ въ невинности, или если знаетъ что виновать, но знаетъ что надо пощадить. Да еслибъ и просто милостыни просиль и то хорошо.

Но такъ-ли на дѣлѣ: нѣтъ, я убѣжденъ <...> Особенно если гонораръ... <...>

— Ребенокъ принялъ дурныя привычки; но кто въ нихъ виновать?...»²⁷.

«...— Христось обнимая дѣтей опредѣлилъ какъ на нихъ надо смотрѣть. Сами вы г. Спасовичъ должны знать гдѣ предѣль ударовъ, если у васъ бьется что нибудь *sous la mamelle gauche...*»²⁸.

«...Святость семьи —

Это кошунство. Семья слишкомъ свята, чтобъ взводить на нее клевету...»²⁹.

«Война. Потребность перехвалиться передъ другимъ въ великодушій...»³⁰.

«— Я убѣжденъ что судьей Европы будетъ Россія. Она придетъ къ намъ съ комунизмомъ, разсудить ее. И Россія рѣшить вовсе не въ пользу одной стороны. Ни одна сторона не останется довольна рѣшеніемъ.

²⁴ Там же. Л. 92.

²⁵ Там же. Л. 96.

²⁶ Там же. Л. 98.

²⁷ Там же. Л. 99.

²⁸ Там же. Л. 100.

²⁹ Там же. Л. 101.

³⁰ Там же. Л. 110.

— Все въ будущемъ столѣтїи.

— Сильныхъ державъ не будетъ, всѣ силы будутъ разрушены междоусобной борьбой демоса съ высшими. (У насъ и высшихъ—то не будетъ).

— Надо быть Россїи готовой. Почему Россїя такъ будетъ сильна, /—/ объ этомъ потомъ. <...>

Папа — предводитель комунизма.

У Россїи нѣтъ болѣе враговъ и не будетъ, какъ Славяне»³¹.

Данные заметки, образующие единый тематический ряд, показывают, что уже на стадии набросков Достоевский не просто соотносил тему адвокатуры с размышлениями о «либерализме», но и включал ее в более широкий контекст, вобравший идеи писателя о войне, будущем Европы и России, папстве и коммунизме, славянах. «Лирство» адвоката, опорочившего и осудившего ребенка, католичество, «продавшее Христа за царства земные» и тем самым, по мысли Достоевского, повлекшее «обособление» в обществе и породившее европейский «комунизм» («fraternité ou la mort!»), славянские народы, лишенные духовного центра, — все это приметы «гнило-гуманного времени»³². Но в этом же контексте намечается авторское разрешение темы «обособления»: в записи о Поэте, в евангельской реминисценции о Христе и детях и в парадоксе о войне. Пушкинские строки: «И меж детей ничтожных мира» — требуют более подробного комментария: в ПСС указан только источник цитаты — стихотворение А. С. Пушкина «Поэт» 1827 г. (см.: 24; 436). В записи Достоевского цитата из пушкинского стихотворения возникает среди рассуждений о Спасовиче, адвокате Кроненберга. Интересно соотношение заметок о продажном «лирстве» адвокатской «нанятой совести» с содержанием стихотворения «Поэт»:

Пока не требует поэта
К священной жертве Аполлон,
В заботах суетного света
Он малодушно погружен;
Молчит его святая лира;
Душа вкушает хладный сон,
И меж детей ничтожных мира,
Быть может, всех ничтожней он.

Но лишь божественный глагол
До слуха чуткого коснется,
Душа поэта встрепенется,
Как пробудившийся орел.
Тоскует он в забавах мира,
Людской чуждается молвы,

³¹ Там же. Л. 111.

³² На этический аспект темы адвокатуры указал Г. К. Щенников: «У Достоевского юридические вопросы подчинены морально-этическим, его волновало соотношение правды законной и нравственной, нравственности судебной и человеческой. <...> И критика адвокатуры направлена у Достоевского именно против тенденций к „разъединению общества“» (Щенников Г. К. Проблема правосудия в публицистике Достоевского 70-х годов // Русская литература 1870–1890 годов. Свердловск, 1971. Т. 4. С. 3, 6).

К ногам народного кумира
 Не клонит гордой головы;
 Бежит он, дикий и суровый,
 И звуков и смятенья полн,
 На берега пустынных волн,
 В широкошумные дубровы...³³

В первой строфе показано мирское существование поэта, во второй — его преображение под воздействием «божественного глагола» искусства. Становится очевидным, что Достоевский противопоставил «поэзию» Спасовича, то холодное фразерство, которому чуждо живое участие в происходящем, — истинной поэзии, преображающей и очищающей душу. Запись Достоевского начинается словом «Поэт» (которое в рукописном тексте подчеркнуто), и это означает, что речь здесь идет не только о Пушкине, но через обращение к Пушкину — вообще о весомости выделенного понятия. Позднее А. А. Блок в одной из своих статей очень точно определил не «словарное», а сущностное значение слова «поэт»: «Поэт — величина неизменная. <...> Первое дело, которого требует от поэта его служение, — бросить „заботы суетного света“ для того, чтобы поднять внешние покровы, чтобы открыть глубину. Это требование выводит поэта из ряда „детей ничтожных мира“»³⁴. Достоевский предвосхитил мысль Блока. Адвокатская «поэзия», по мнению писателя, не просто пуста и бессмысленна — она разрушительна, ибо за либеральными фразами «взыгравшего таланта» осталась забытой судьба обиженного ребенка. Строки о том, что «Христось, обнима дѣтей, опредѣлил какъ на нихъ надо смотрѣть» (ср.: Мф. 19: 13–14, Мк. 10: 13–16, Лк. 18: 15–17), открывают иной, христианский взгляд³⁵, который и был отражен в окончательном тексте февральского «Дневника»: «Но оставьте нам, по крайней мере, хоть жалость нашу к этому младенцу <...> Когда общество перестанет жалеть слабых и угнетенных, тогда ему же самому станет плохо: оно очерствеет и засохнет, станет развратно и бесплодно...» (22; 71). В этом выводе очевидно совмещение личного и общественного в едином нравственном аспекте — особенность, которая отчетливо проявляется уже на стадии черновых набросков. Не случайно поэтому включение в приведенный нами контекст и заметки о «войне и великодушии». По убеждению Достоевского, именно война «вдругъ возводитъ всѣхъ — и уже не интеллигенціей, а великодушіемъ»³⁶, обнаруживает лучшие человеческие качества: «Великодушіе въ войнѣ, въ мирѣ — жестокость»³⁷. Таким образом, сопоставление объединенных под одним

³³ Пушкин А. С. Полн. собр. соч. Л., 1977. Т. 3. С. 23.

³⁴ Блок А. А. О назначении поэта // Блок А. А. Собр. соч. М., Л., 1962. Т. 6. С. 160–163.

³⁵ О размышлениях Достоевского над образами детей в Евангелии см.: Тихомиров Б. Н. Дети в Новом Завете глазами Достоевского (Постановка проблемы) // Достоевский и мировая культура. СПб., 2003. № 19. С. 135–156.

³⁶ РГАЛИ. Ф. 212. 1. 15. Л. 37.

³⁷ РГАЛИ. Ф. 212. 1. 16. Л. 146. О теме войны в «Дневнике писателя» см.: Дудкин В. В. Достоевский — Ницше (Проблема человека). Петрозаводск, 1994. С. 110–113; Ма-

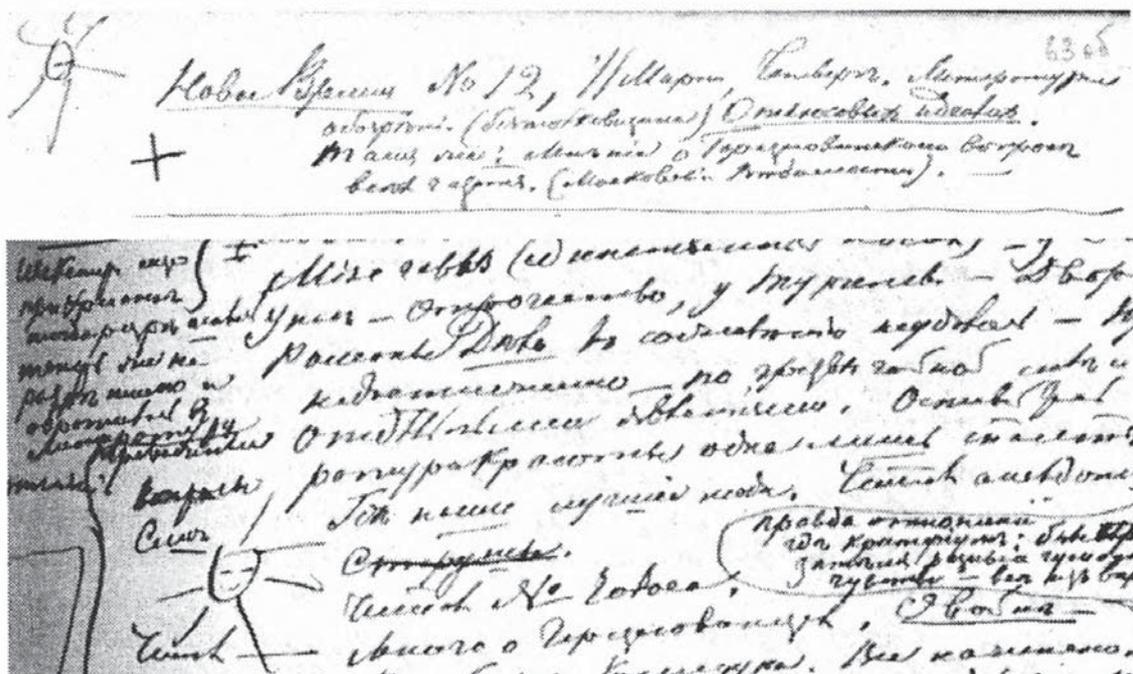
знаком записей позволяет установить направление мысли писателя, выявить взаимосвязь ассоциаций и уже на данном этапе творческого процесса увидеть в отобранном автором материале не только «проклятые вопросы» будущего «Дневника», но и попытку ответа на них.

Знаком #₃ писатель отмечал записи о политике (иногда условное обозначение сопровождается пометой «Политика»). Эти записи содержат указание на сообщения прессы о тех или иных событиях: о роспуске Национального собрания во Франции, о республиканцах и др.

Обозначение в форме прямоугольника, перечеркнутого «крест на крест», появляется возле набросков на тему «произвола», как одной из форм «обособления» и «шатости» в русском обществе. К этой теме Достоевский отнес заметки о фельдъегере, беспорядках на железных дорогах, водке и «мамоне» — символах «неналаженности общества», в котором «носятся грубые идеи, уничтожающія вѣру»³⁸.

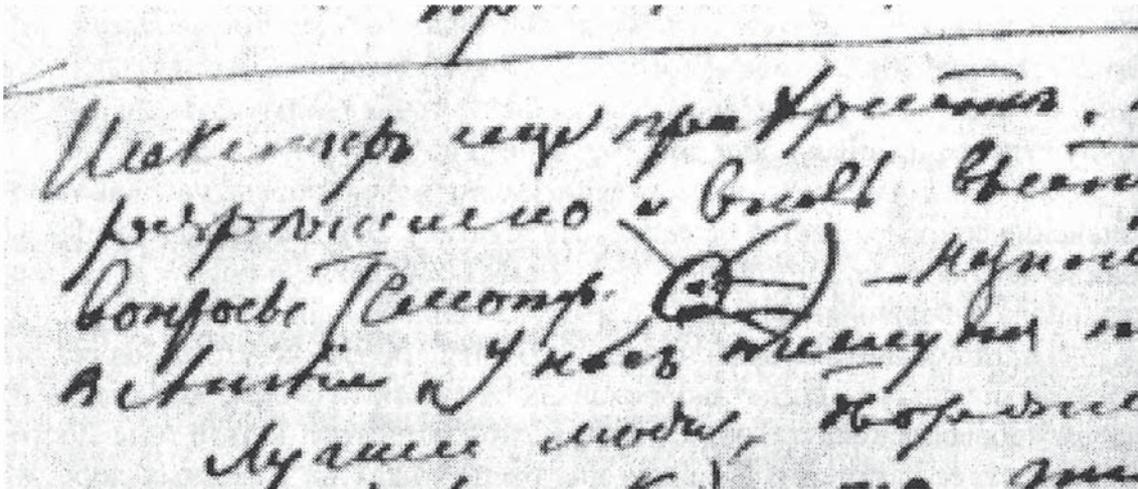
Трижды встречается в указанной записной тетради символический знак — изображение солнца (подобное можно увидеть на детских рисунках: круг, от которого разбегаются в разные стороны «лучики», в круге точками обозначены «черты лица»).

Знак солнца объединил следующие записи:

тюшкин А. В. Две апологии войны в «Дневнике писателя» Ф. М. Достоевского // Ситуации культурного перелома. Петрозаводск, 1998. С. 115–119; Его же. Проблема автора в «Дневнике писателя» Ф. М. Достоевского 1873 г.: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Петрозаводск, 1998. С. 19–20; Сараскина Л. И. Не мечем, а духом // Век XX и мир. 1986. № 6. С. 40–47; Тихомиров Б. Н. Гаршин, Достоевский, Лев Толстой (К вопросу о соотношении евангельского и народного христианства в творчестве писателей) // Статьи о Достоевском: 1971–2001. СПб., 2001. С. 95–107.

³⁸ РГАЛИ, ф. 212. 1. 15, л. 84. См. также «Дневник писателя» 1876 г., январь, § I гл. 3.

«Новое Время № 12, 11 Марта, Четвергъ. Литературное обозрѣніе (безтолковщина) *О плюсовыхъ идеалахъ*. Тамъ же: Мнѣніе о Герцеговинскомъ вопросѣ всѣхъ газетъ. (Московскія Вѣдомости)»³⁹.

«Гдѣ наши лучшія люди. <...>

[Старушка]

Читаль № Голоса.

/Самъ//Читаль/ — Много о Герцеговинцахъ. *О войнѣ*»⁴⁰.

«Шекспиръ еще при Христвъ<, > тогда разрѣшалось<, > теперь же не разрѣшимо и обратилось въ литературу отчаянія/. /Тревожные вопросы/⁴¹

Шекспиръ еще при Христвъ. Тогда разрѣшалось. Теперь не разрѣшимо и вновь выступило. Гамлетъ. Дон-Кихоть. Проклятые вопросы (Смотр. <знак солнца>)»⁴².

Первая запись является откликом на содержание упомянутого Достоевским номера газеты «Новое время», где были помещены статья С. А. Венгерова (о необходимости «плюсового идеала» в литературе) и корреспонденции о восстании герцеговинцев против турок.⁴³ Во второй заметке Достоевский возвращается к вопросу о герцеговинцах и теме войны. Третья запись становится пояснением к первым двум и представляет тему в ином ракурсе. Из последнего наброска видно, что проблему «плюсовых идеалов» Достоевский рассматривал в нравственной плоскости. В той же записной тетради имеется еще одно рассуждение, проясняющее идею писателя: «Плюсовые ли типы Шекспира. Шекспиръ нашихъ времянь тоже вносилъ бы отчаяніе. Но во времена Шекспира была еще крѣпка вѣра. Теперь же всѣ дѣйствительно хотятъ счастья <...> Ну вотъ и

³⁹ РГАЛИ, ф. 212. 1. 15, л. 124 (63 об.).

⁴⁰ Там же. Л. 133.

⁴¹ В ПСС неточное прочтение: «...и обратилось в литературу. Тревожили отчаяние, вопросы» (24, 167).

⁴² РГАЛИ, ф. 212. 1. 15.

⁴³ *Фауст Щигровского уезда* [С. А. Венгеров]. Литературные очерки. (Общий взгляд на современную литературу) // Новое время. 1876. 11 марта. № 12. С. 1–2. О герцеговинцах см.: Рак В. Д. Примечания (22; 357–358); Рак В. Д., Фридендер Г. М. Примечания (24; 442).

отъ Литературы требуютъ плюсового послѣдняго слова — счастья. Требуютъ изображенія тѣхъ людей, которые счастливы и довольны во истину, /безъ Бога и во имя науки/ и прекрасны...»⁴⁴. По мнению Достоевского, идеалы исчезают, когда исчезает вера и появляются ее суррогаты, дающие изверившемуся человечеству не столько идеалы, сколько идолов. Если «Шекспир еще при Христе» (то есть «еще крепка вера»), то «теперь» — «не разрешимо» выступило отчаяние. В соединении заметок о «плюсовых идеалах» с наброском о войне и герцеговинцах выражена попытка Достоевского разрешить проблему. Знаменателен самый знак, связавший записи. Солнце появляется в данном контексте не только как символ положительного. Значение данного символа — в свете рассуждений Достоевского о войне на Балканах — наиболее полно раскрывается в печатном тексте.

В сентябрьском выпуске «Дневника писателя» Достоевский пишет: «Для народов славянских, для сербов, для черногорцев — Россия **всё еще солнце**, всё еще надежда, всё еще друг, мать и покровительница их, будущая освободительница!» (23; 115; см. также декабрьский выпуск, § III главы второй). В октябрьском «Дневнике» метафора солнца появляется в связи с темой «лучших людей»: «слишком очистился горизонт наш, слишком ярко всходит **новое солнце наше...**» (23; 162). Солнце становится символом русских «лучших людей», тех, кто «ищет неустанно работы на дело Божие, любит правду и, когда надо, встает служить ей, бросая дом и семью и жертвуя жизнью» (23; 161). В контексте «военной» тематики «Дневника» — это русские офицеры и солдаты, добровольно вставшие на защиту балканских славян, уничтожаемых турками. Наконец, солнце выступает и как символ «Святой Книги» — Библии, которая «благодетельствовала человечеству столько веков <...> как солнце светила ему, изливала на него силу и жизнь» (см. мартовский выпуск, § I главы второй). Таким образом, знак солнца в записной тетради 1875–1876 гг., объединяющий записи о герцеговинцах и «плюсовых идеалах», сопутствует прежде всего размышлениям Достоевского о христианском идеале и становится своеобразным отражением «символа веры» писателя.

Знаком полукруга с тремя короткими линиями и (или) цифрой 153 Достоевский обозначил записи о науке, социализме и христианстве:

⁴⁴ РГАЛИ, ф. 212. 1. 15, л. 126.

«— Реальность и истинность требованій комунизма и социализма и неизбежность европейскаго потрясенія. Но тутъ наука — внѣ Христа и съ полной вѣрой. Должны быть открыты такія точныя уже научныя отношенія между людей и новый нравственный порядокъ — (нѣтъ любви <,> есть одинъ эгоизмъ, т. е. борьба за существованіе) — наука вѣритъ твердо. <...> Слишкомъ много отдать духа за хлѣбъ. <...>

Комунизмъ произошелъ изъ Христіанства изъ высокаго воззрѣнія на человѣка, но вмѣсто *самовольной любви*, нелюбимые берутся за палки и хотятъ сами отнять то, что имъ не дали не любившіе ихъ. Въ этомъ виновна Римская церковь»⁴⁵.

«— Законъ разумной необходимости — есть первѣе всего уничтоженіе личности <...> Христіанство же напротивъ наиболѣе провозглашаетъ свободу личности...»⁴⁶.

«Нѣтъ<,> Бога слишкомъ трудно искоренить. Моленіе и жертва. /Преклониться/ Объ этомъ кажется не знаетъ /пока/ наука...»⁴⁷.

«...А нравственныя начала наши тоже нельзя отдать»⁴⁸.

«Спросятъ: откуда видно такое значеніе Россіи? Конечно изъ *Православія*, потому что Православіе именно это повелѣваетъ и къ тому ведетъ: „будь на дѣлѣ братомъ и будь всѣмъ слуга“.... <...>

Образованность уже была намъ полезна, тѣмъ что какъ мы ни оторваны отъ народа, а на примѣрѣ въ политической идеѣ понимаютъ нашу служебную роль Европѣ, то есть человѣчеству.... <...>

...А я вамъ отвѣчу, что еслибъ не было такого народа какъ Русскіе то ни отъ какой реформы мы бы не расширились — а стали бы англичанами, нѣмцами... <...>

Рыцарскія понятія о чести — но они не всегда Христіанскія, понятія о законѣ — но много слишкомъ кары, узость взгляда. — Понятіе о Государствѣ? У насъ выше»⁴⁹.

«/(Восточный вопросъ.)

Наше назначеніе быть другомъ народовъ. Служить имъ. Всѣ души народовъ совокупить себѣ. Тѣмъ самымъ мы наиболѣе Русскіе./ <...>

...Созидается общество началами нравственными...»⁵⁰.

«Высшая нравственная идея оставшаяся /выработавшаяся/ всей жизнью Запада есть грядущій социализмъ и его идеалы и объ этомъ нѣтъ возможности спорить. Но христіанская правда, сохранившаяся въ Православіи — выше /социализма/...»⁵¹.

«...Не такова мысль русская, мысль *Православія*. Будь свободенъ, но носи тяготы всѣхъ. Люби всѣхъ и тебя любить будутъ...»⁵².

⁴⁵ Там же. Л. 131.

⁴⁶ Там же. Л. 136.

⁴⁷ Там же. Л. 139.

⁴⁸ Там же. Л. 146.

⁴⁹ Там же. Л. 147.

⁵⁰ Там же. Л. 148.

⁵¹ Там же. Л. 149.

⁵² РГАЛИ, ф. 212. 1. 16, л. 49.

«Расширение взгляда состоитъ въ томъ, что мы не въ себя живемъ какъ Англія и не въ себѣ считаемъ достиженіе цѣлей — а въ всеобщей родственности и концепціи.

Сохранить единицы славянскія едина ихъ въ одномъ Православіи»⁵³.

Записи объединены на основе противопоставления: наука, способная осуществить «мечту русских социалистов», то есть отвечающая материальным запросам человечества, — и христианство, преображающее людей духовно. Мысли, высказанные в данных набросках, отражены в § II «Спиритизм. Нечто о чертях...» главы третьей январского выпуска, § V «Сила мертвая и силы грядущие» главы первой мартовского выпуска, § IV «Утопическое понимание истории» главы второй июньского выпуска «Дневника писателя» 1876 г.

Помета 153, очевидно, означает номер страницы какого-либо источника, где содержатся записи, послужившие отправной точкой для размышлений на тему науки, социализма и христианства. Известно, что Достоевский перед началом работы просматривал предыдущие записи в других тетрадах. Страницы с номером 153 имеются в записных тетрадах 1865–1867, 1872–1875, 1874–1875, 1875–1876 и 1876–1877 гг. Однако ни в одной из данных тетрадей на с. 153 нет записей о науке, христианстве и социализме. Возможно, что 153 — это номер страницы какой-либо книги, к которой писатель обращался в момент работы над мартовским выпуском «Дневника» (первая запись на указанную тему, сопровождающаяся пометой 153, появляется 12–13 марта 1876 г.). В мартовском выпуске «Дневника» упоминается роман «Бесы» (глава первая, § V) и цитируется роман «Подросток» (глава вторая, § I). В издании «Подростка» 1876 г. на странице 153 находим известное рассуждение Версилова: «У насъ созданъ вѣками какой-то еще нигдѣ не виданный высшій культурный типъ, котораго нѣтъ въ цѣломъ мірѣ — типъ всемірнаго болѣнія за всѣхъ. <...> Онъ хранить въ себѣ будущее Россіи»⁵⁴. Эти строки действительно тематически близки приведенным выше цитатам из записной тетради, помеченным цифрой 153, — особенно записям о православном «расширении взгляда», о необходимости «жить не в себя» и о Восточном вопросе, о мессианской роли России в мировой истории. По существу, записи о науке и христианстве выражают ключевую для творчества Достоевского оппозицию «Европа — Россия», на что указывает и рассмотрение знака 153 в контексте главок 2–3 главы седьмой третьей части романа «Подросток». Данное соотнесение заметок из записной тетради с романом «Подросток» находит подтверждение и в хронологии событий: отдельное издание романа вышло в январе 1876 г.⁵⁵, 10 марта Достоевский сделал дарственную надпись брату Андрею Михайловичу на экземпляре этого издания⁵⁶, а 12–13 марта

⁵³ Там же. Л. 74.

⁵⁴ Достоевский Ф. М. Подросток. Роман. Часть III. СПб., 1876. С. 153.

⁵⁵ Летопись жизни и творчества Ф. М. Достоевского: 1875–1881. СПб., 1995. Т. 3. С. 58, 62.

⁵⁶ Там же. С. 76.

в записной тетради возникли указанные записи, сопровождаемые цифровым обозначением 153.

Условные знаки в записной тетради служат тематической организации собранного писателем материала, причем, объединяя записи, Достоевский тем самым уже пытается «знаково» сформулировать конкретную тему и обозначить разные ее ипостаси. Дальнейшую творческую работу фиксируют наброски на отдельных листах (в ПСС названные «подготовительными материалами»).

На отдельные листы небольшого (тетрадного) формата Достоевский выносил материал, выбранный из записных тетрадей. Соответственно текст этих набросков, с одной стороны, более конспективен, с другой стороны, более приближен к будущему связному тексту: как правило, это лаконичное перечисление тем каждого выпуска в сочетании с более пространными записями-пояснениями к определенной теме.

Связь данных набросков с записными тетрадями несомненна и выражается не только в текстуальной близости многих формулировок, но и в наличии соотносимых друг с другом условных обозначений. Так, в набросках к январскому выпуску «Дневника» под записью «— Дымъ Тургенева»⁵⁷ поставлена помета «(? X, Y, Z ?)». В примечаниях ПСС высказано предположение о том, что Достоевский подразумевал псевдоним (криптоним) литературного критика В. В. Чуйко, который вел в газете «Голос» рубрику «Очерки литературы».⁵⁸ Возможно, однако, что Достоевский сделал помету для себя с тем, чтобы взглянуть на л. 35 записной тетради 1875–1876 гг., помеченный «Листъ X Y Z». На данном листе расположена запись о славянофилах и западниках, соотносимая с заметкой о романе Тургенева, высказавшего отрицательные суждения о русском народе, с которыми Достоевский намерен был полемизировать: «Теперь Славянофилы и Западники могли-бы примириться: и тѣ и другіе ждуть всего лишь отъ одного народа; но Славянофилы вѣрятъ въ народъ потому, что допускаютъ въ народъ свои начала, а Западники соглашаются вѣрить въ народъ единственно подѣ однимъ условіемъ: чтобъ не было /у него/ никакихъ своихъ началъ. А потому драка продолжается»⁵⁹. По мнению Н. Ф. Будановой, также указавшей на тематическую соотнесенность черновых записей о славянофилах и западниках с Потугиным, в рассуждениях Достоевского тургеневский герой «как убежденный, „крайний“ западник оказывается противником идеи примирения между обоими направлениями, в силу неверия в самобытность русского народа, презрения к народным идеалам и слепого преклонения перед европейской цивилизацией»⁶⁰. Таким образом, помета «(? X, Y, Z ?)» из набросков на отдельных листах может быть связана именно с записью о романе Тургенева «Дым».

⁵⁷ РГБ, ф. 93 л. 2. 11/1, л. 1.

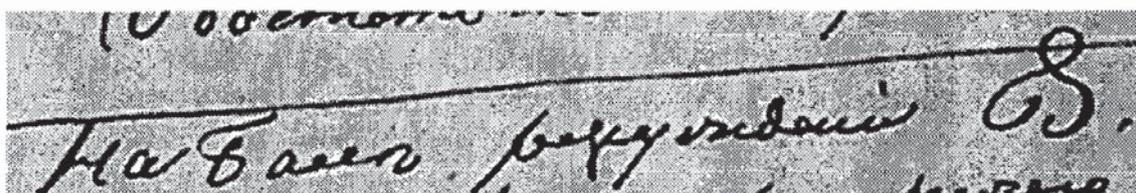
⁵⁸ Рак В. Д. Примечания (22; 392).

⁵⁹ РГАЛИ, ф. 212. 1. 15, л. 35.

⁶⁰ Буданова Н. Ф. Достоевский и Тургенев: Творческий диалог. Л., 1987. С. 130.

Отсылка к записной тетради встречается еще раз. Слева от заметки: «— О юношестве: Гдѣ спасенье? Образование. Нѣтъ, не одно образование, а и знаніе народа» — Достоевский написал: «Листъ X Y Z»⁶¹. Действительно, на указанном листе записной тетради расположен набросок о юношестве: «— Честность и искренность нашего общества въ высшемъ смыслѣ, честность нашего юношества, идея и идеаль прежде всего, вѣра въ идею, земныя блага лишь потомъ. Въ этомъ наше общество сходно съ народомъ и это его пунктъ соединенія съ народомъ...»⁶².

Среди набросков на отдельных листах находим также авторский знак

возле записи: «На Балѣ разсужденіе <знак> ђ. О нашей цивилизаціи. Петра реформа — ничего въ результатѣ. 1000 человекъ, страдающихъ сердцемъ и съ разными мыслями»⁶³. Приведенное обозначение и помета «Балѣ» сопровождают следующую запись из записной тетради Достоевского, более подробно раскрывающую мысль писателя: «Мнѣ всегда казалось что у насъ только форма и составляетъ Цивилизацію и не будь формы — всѣ бы на балѣ передрались, потому что мы не имѣемъ внутренней потребности уважать въ другомъ человекѣ, какъ это все еще есть и продолжаетъ быть въ Европѣ, а что насъ этому научили лишь механически...»⁶⁴.

Условные знаки, используемые в качестве отсылок к записным тетрадям, свидетельствуют о том, что наброски на отдельных листах являются более поздними записями, возникшими на основе материала записных тетрадей, выбранного Достоевским для дальнейшей разработки.

В связи с этим более подробного рассмотрения требуют рукописи к повести «Кроткая». Согласно ПСС, заметки к названному произведению, расположенные в записной тетради 1876–1877 гг., датируются «приблизительно серединой ноября» и «предшествуют написанию связной редакции повести», а наброски на отдельных листах появляются «в конце октября — начале ноября 1876 г.», то есть до записей в записной тетради.⁶⁵ Данный вывод нуждается в уточнении.

Анализ рукописных материалов за 1875–1876 гг. показывает следующее. Первые записи к «Дневнику писателя» появляются в записной тетради 5–8 ноября 1875 г. Часть материалов, собранных Достоевским с ноября 1875 г. по январь 1876 г., вошла в печатный текст январского вы-

⁶¹ РГБ, ф. 93 л. 2. 11/3, л. 3.

⁶² РГАЛИ, ф. 212. 1. 15, л. 35.

⁶³ РГБ, ф. 93 л. 2. 11/3, л. 3.

⁶⁴ РГАЛИ, ф. 212. 1. 15, л. 40. См. также § III главы первой январского выпуска «Дневника писателя» 1876 г.

⁶⁵ Туниманов В. А. Историко-литературный и реальный комментарий к «Кроткой» (24; 383–385).

пуска «Дневника писателя» 1876 г. Многие не вошедшие в январский выпуск темы (о Марее, о провинциальной печати) отразились в последующих номерах «Дневника писателя». В этот же период (ноябрь 1875 г. — январь 1876 г.) сменяется несколько «программ первого номера», которые формулируются в середине декабря, 30 декабря, начале и середине января.⁶⁶ В последних двух программах сосредоточен основной материал январского выпуска. В набросках на отдельных листах еще нет попыток последовательного размещения материала: внимание писателя постоянно переключается с одной темы на другую. Но уже в январских рукописях имеется указание на хронологию записей. Помимо отмеченных выше условных знаков, в набросках на отдельных листах находим помету «Дѣтскій балъ — (все такъ какъ въ черновой)»⁶⁷, также являющуюся отсылкой к более ранним записям из записной тетради.

По-видимому, первый выпуск «Дневника писателя» 1876 г. представлял особенную трудность для Достоевского: это было включение в еще не установленный режим работы над собственным периодическим изданием, в котором автор, редактор и издатель — один человек.⁶⁸ В печатном тексте январского «Дневника» Достоевский заметит: «...я исписал всю бумагу, и нет места, а я хотел было поговорить о войне, о наших окраинах; хотелось поговорить о литературе, о декабристах и еще на пятнадцать тем по крайней мере. Вижу, что надобно писать теснее и сжиматься, — указание впредь» (22; 32). Работа над январским выпуском выявила все проблемы, связанные с подготовкой номера. В дальнейшем то, что Достоевский выполнил за ноябрь 1875 — январь 1876 гг., нужно было осуществить в течение месяца: собрать материал, выбрать темы для дальнейшей разработки, подготовить связный черновой текст, наборную рукопись, посмотреть корректуру, пройти предварительную цензуру и сдать номер в печать. Чтобы уложиться в срок, требовалась четкая организация творческого процесса, поэтому «указание впредь» действительно было очень своевременным.

Рукописи ко второму, февральскому, выпуску свидетельствуют о желании Достоевского следовать «указанию». Программа февральского номера формулируется уже первого февраля.⁶⁹ В середине февраля содержание программы уточняется — в частности, определяется тема первого раздела первой главы: «Меня всѣ встрѣтили»⁷⁰ (запись о положительных отзывах критики на выход «Дневника писателя»). Наброски на отдельных листах обнаруживают более последовательную разработку материала, чем

⁶⁶ РГАЛИ, ф. 212. 1. 15, л. 22, 50, 61, 83.

⁶⁷ РГБ, ф. 93. 1. 2. 11/3, л. 3.

⁶⁸ И. Л. Волгин назвал первый номер «Дневника писателя» 1876 г. «своего рода пробой пера, приступом к теме, настройкой тона» (см.: Волгин И. Л. Достоевский и русское общество («Дневник писателя» 1876–1877 годов в оценках современников) // Русская литература. 1976. № 3. С. 126).

⁶⁹ РГАЛИ, ф. 212. 1. 15, л. 93–94.

⁷⁰ Там же. Л. 104.

соответствующие наброски к январскому выпуску: на первом листе размещены записи к §§ I–III главы первой, на втором листе «расписаны» темы §§ II–III главы первой, на третьем листе содержатся заметки к § III главы первой, §§ I–II главы второй, на четвертом листе находятся наброски к §§ III–V главы второй.⁷¹ Характерно также то, что заметки на отдельных листах начинаются повторением первого пункта «содержания №», возникшего в записной тетради в середине месяца: «Меня всѣ встрѣтили»⁷² — очевидно, это напоминание о том, с чего необходимо начать связный текст. Тот же принцип прослеживается в рукописях к мартовскому «Дневнику»: в середине марта Достоевский перечисляет в записной тетради темы выпуска, указывая первым пунктом ответ Гамме⁷³ (Г. К. Градовскому), составивший в печатном тексте содержание § I главы первой. В набросках на отдельных листах первая запись — «Гаммѣ»⁷⁴.

В ряде случаев наброски на отдельных листах содержат пометы Достоевского с указанием на необходимость исключить некоторые темы и ограничить объем материала. Так, среди набросков к майскому «Дневнику» возле записей о «правой–левой» (об «отрицателях Европы»), Белинском, Михайловском, лесоистреблении и др. появляется помета «до слѣдующ<аго> №»⁷⁵. Исключение того или иного материала происходило из-за более подробной разработки конкретных тем, занимавшей в итоге основную часть времени.⁷⁶ В майском выпуске это прежде всего дело Каировой, в февральском — дело Кроненберга, разбор которого уже в записной тетради вызвал следующее заключение Достоевского: «Я погубилъ мой №, но пусть не останется безъ протеста»⁷⁷.

Наброски к повести «Кроткая», сделанные в записной тетради⁷⁸, не могут непосредственно предшествовать созданию связного чернового текста, во-первых, потому, что это противоречит установленному в течение года порядку подготовки каждого выпуска «Дневника», согласно которому первоначально вся информация к будущему произведению собиралась в рабочих тетрадях, а последующая разработка тем продолжалась на отдельных листах. При этом «художественность», а не «публицистичность» материала «Кроткой» не означает, что характер творческого процесса должен был измениться. До «Кроткой» появились рассказы «Маль-

⁷¹ РГБ, ф. 93. I. 2. 11/4–6, л. 1–1 об.; 1–2 об.; 1.

⁷² РГБ, ф. 93. I. 2. 11/4, л. 1.

⁷³ РГАЛИ, ф. 212. I. 15, л. 135.

⁷⁴ РГБ, ф. 93. I. 2. 11/7, л. 2 об.

⁷⁵ РГБ, ф. 93. I. 2. 11/9, л. 1.

⁷⁶ По наблюдению Г. М. Фридлендера, в работе над январским выпуском «Дневника» Достоевский «весьма разборчиво отнесся к накопленному материалу», так как «выдвинулись новые темы, непосредственно подсказанные событиями и жизненными впечатлениями последних дней» (Фридлендер Г. М. Святочный рассказ Достоевского и баллада Рюккерта // Международные связи русской литературы. М.: Л., 1963. С. 372).

⁷⁷ РГАЛИ, ф. 212. I. 15, л. 120.

⁷⁸ РГАЛИ, ф. 212. I. 16, л. 147–150. В ЛСС эти наброски опубликованы в разделе «Подготовительные материалы» (24; 326–332, 333).

чик у Христа на елке», «Мужик Марей», «Столетняя», записи к которым также впервые возникли в записной тетради. То, что «Кроткая» составила все содержание ноябрьской книжки, объясняется длительностью творческой работы над данным художественным замыслом, занявшим большую часть месяца; заметки в записной тетради показывают, что до 8 ноября Достоевский все же планировал включить в номер публицистику. Появление в записной тетради набросков о револьвере, «строгом удивлении» и др., относящихся не к началу произведения, а скорее к его кульминации и развязке, не следует расценивать как свидетельство позднего возникновения этих набросков. Анализ материалов к другим выпускам «Дневника писателя» показывает, что в первую очередь Достоевский фиксирует лейтмотивы и центральные идеи будущего произведения, а начало повествования определяется не сразу. Так, к замыслу рассказа «Мужик Марей» (§ III главы первой, февраль) одними из первых появляются записи, содержание которых отразилось в кульминационной сцене рассказа, в которой крепостной «с материнской улыбкой и нежностью» перекрестил испуганного «барчонка»: «И какъ этотъ мужикъ, Марей, трепаль меня по щекъ и гладиль по головкъ. Я это забыль, т. е. не забыль, а только въ каторгъ припомнилъ. Эти воспоминанія дали мнѣ возможность пережить въ каторгъ»; «Объ народъ — волкъ»; «— Ви-ишь! И тронуль мнѣ концомъ пальца уголь дрожавшей губы. (Животинку-то остановиль.)»⁷⁹.

Заметки к «Кроткой» из записной тетради находятся в определенном окружении. Им предшествует запись о Мак Ивере — английском полковнике, воевавшем на стороне сербов и, по возвращении в Англию, выпустившем брошюру «Записки о сербской войне», перевод которой был помещен в «Гражданине» за 8 ноября 1876 г.⁸⁰ Наброски к «Кроткой» один раз прерываются записью о необходимости финансовой поддержки славян: «...Почему бы намъ хоть теперь не послать Славянамъ милліона два? Хорошо посьемъ...»⁸¹. Эту же идею Достоевский высказывает повторно в записи, следующей после заметок к замыслу «Кроткой»: «— Пожертвованія сократились, но тутъ-то бы правительству два мильона. *Посъять*»⁸². Указанная запись соседствует с набросками, содержащими дату — 11 ноября.⁸³ Публицистическое окружение заметок к «Кроткой» не отличается от последних графологическими характеристиками: ни наклон почерка, ни цвет чернил не свидетельствуют о том, что наброски к «Кроткой» могут быть позднейшей вставкой. Данное обстоятельство позволяет предположить, что наброски к «Кроткой» были сделаны в записной тетради в период с 8 по 11 ноября. Содержание этих набросков также дает основания рассматривать их в числе первых записей к повести «Кроткая». Как и свойственно всем заметкам в записной тетради Достоевского, наброски

⁷⁹ РГАЛИ, ф. 212. 1. 15, л. 61–62.

⁸⁰ РГАЛИ, ф. 212. 1. 16, л. 146. О Мак Ивере см.: Рак В. Д. Примечания (24; 500).

⁸¹ РГАЛИ, ф. 212. 1. 16, л. 148.

⁸² Там же. Л. 151.

⁸³ Там же.

к «Кроткой» разнообразны по содержанию и тематически охватывают материал всего выпуска «Дневника», то есть обеих глав повести. В начале записей дважды упоминается горничная Кроткой, причем Достоевский называет ее Натальей (л. 146); имя Лукерья, вошедшее в печатный текст, появляется на л. 149. В набросках на отдельных листах имя Лукерья употребляется без вариантов. Если заметки из записной тетради вторичны и предшествовали связному тексту, чем объяснить внезапную смену имени на последнем этапе работы с набросками, когда постоянное имя вдруг дважды меняется на иное, после чего автор возвращается к прежнему имени? Более вероятным представляется возникновение варианта имени на первом этапе творческого процесса, а затем смена имени Наталья на постоянное для последующих записей Лукерья. Кроме того, среди заметок в записной тетради находится запись, указывающая на один из ранних вариантов развития замысла: «— Она не знала что я держу кассу ссуду. Я сказал контору. Узнавъ про ссуду она сначала была не очень удивлена, но потомъ»⁸⁴. Согласно связному (и черновому и окончательному) тексту, знакомство Кроткой и закладчика происходит именно в кассе ссуд, то есть Кроткая с самого начала знает о характере деятельности закладчика. Если заметки из записной тетради непосредственно предшествуют составлению связного текста (датированного 19 ноября), то на этой стадии творческого процесса подобную фабульную вариацию, касающуюся сцены знакомства героев, трудно было бы допустить (так как окончательный текст видится автору уже более ясно). Между тем текст, расположенный на отдельных листах, начинается набросками к разделу «Кто был я и кто была она» главы первой, а помета «Образъ принесла»⁸⁵ свидетельствует о том, что только на данном этапе Достоевский точнее разрабатывает сцену знакомства героев в доме рассказчика, куда Кроткая приходит закладывать образ. Показательна также композиционная близость записей на отдельных листах к окончательному тексту. Размещение данных записей характеризуется особенностями, типичными для соответствующих набросков к предыдущим выпускам «Дневника писателя» 1876 г. — в них отражена (насколько это возможно для незаконченных записей) последовательность развития темы в окончательном тексте: л. 14 об. — §§ I–VI главы первой; л. 15 — §§ I–III главы второй⁸⁶; л. 1 — §§ IV–VI главы первой и § II, IV главы второй; л. 1 об. — § IV главы первой и §§ I–IV главы второй; л. 2 — §§ III–IV главы второй; л. 2 об. — §§ II–IV главы второй; л. 3 — §§ III–IV главы второй; л. 4 — §§ II–IV главы второй; л. 4 об. — §§ III–IV главы второй⁸⁷; запись на письме М. А. Александрова — § IV главы второй.⁸⁸ Записи на каждом отдельном листе расположены не попеременно, как это могло быть в записных тетрадях, а относятся к разработке конкретных разделов произве-

⁸⁴ Там же. Л. 147.

⁸⁵ РГБ, ф. 93. I. 2. 11/20, л. 14 об.

⁸⁶ РГБ, ф. 93. I. 2. 11/20.

⁸⁷ ИРЛИ, ф. 100. № 29448. ССХБ. 4.

⁸⁸ ИРЛИ, ф. 100. № 29631. ССХБ. 2.

дения. Этот и приведенные выше факты позволяют отнести наброски к «Кроткой» на отдельных листах ко второму периоду творческого процесса Достоевского, непосредственно предшествовавшему подготовке связного текста, и датировать их серединой ноября.⁸⁹

Приведенные в данной работе факты свидетельствуют о том, что система условных обозначений, имеющихся в рукописном тексте Достоевского, требует более пристального внимания, подробного изучения и описания (ограниченные пределы статьи позволяют указать и проанализировать лишь небольшую часть условных знаков, которые обнаруживаются в записных тетрадах). Предварительные выводы, которые можно сделать на предложенном выше материале, состоят в следующем.

Условные знаки в записных тетрадах Достоевского не просто связывают тематически близкие записи, но способствуют определению направления в раскрытии избранной темы и обозначению ее различных аспектов. Данное обстоятельство позволяет нам увидеть тему в ее развитии. При этом для Достоевского характерно парадоксальное соединение, казалось бы, мало взаимосвязанных тем. Однако именно такие тематические соответствия, выявляемые при изучении условных знаков, показывают нам художественный замысел и перспективу его развития в максимальной полноте.

Условные обозначения Достоевского, «знаково» определяя ту или иную тему будущего произведения, обретают значение символа. Особенно отчетливо это проявляется при использовании Достоевским изображения солнца — символа, который объединяет записи о герцеговинцах и «плюсовых идеалах», отразившие размышления писателя о христианском идеале.

Анализ черновых материалов способствует установлению зависимости условных знаков в набросках на отдельных листах от аналогичных обозначений в записных тетрадах, что позволяет датировать наброски на отдельных листах как хронологически более поздние.*

⁸⁹ Наблюдения над хронологией подготовительных материалов к «Кроткой» см. также: Федоренко Б. В. О повести «Кроткая» и не только о ней // Достоевский и мировая культура. № 19. С. 217–220. — Ред.

* Работа выполнена при поддержке Российского государственного научного фонда (РГНФ), проект № 02–04–00101а.